

УДК 159.922

## Символическая функция в структуре сознания

**А. М. Поляков**, кандидат психологических наук, доцент

*В статье обосновывается необходимость различения категорий субъекта деятельности и субъекта отношений. Становление субъекта деятельности соотносится с развитием знаковой функции и субъект-объектных отношений с миром. Становление субъекта отношений – с развитием символической функции и субъект-субъектных отношений. Представлены результаты двух экспериментальных исследований, показывающих, что символ является той культурной формой, которая обращает наше сознание к реальности другого субъекта и intersubjectных отношений; проникновение в реальность символического смысла требует от самого субъекта встречной активности и усилия, затрачиваемого на сосредоточение на символе; обнаружение символического содержания зависит от задачи, решаемой субъектом, и общей личностной позиции, определяющей отношение к действительности как к предметной или как к символической.*

## Symbolic Function in the Structure of Consciousness

**A. M. Polyakov**, PhD in Psychology, Associate Professor

*Necessity of distinction of categories of the subject of activity and the subject of relations is proved in the article. Becoming of the subject of activity is corresponding with development of sign function and the subject-object relations with the world. Becoming of the subject of relations – with development of symbolical function and the subject-subject relations. Results of two experimental researches are presented. They are showing that the symbol is that cultural form which turns our consciousness to a reality of other subject and intersubject relations; penetration into a reality of symbolical sense demands from the subject of counter activity and the effort spent for a concentration on a symbol; detection of the symbolical maintenance depends on the problem solved by the subject and the general personal position, defining the relation to the reality as to objective or as to symbolical.*

Величайший разрыв, происшедший в человеческом духе, случился тогда, когда однажды человек противопоставил себя принципиально «среде», «объекту», «природе».

*А. А. Ухтомский*

### Субъект деятельности и субъект отношений

Проблема сознания напрямую связана с проблемой субъекта. Как правило, под субъектом понимается субъект сознания (или сознательно действующий субъект), и осознает он некую противостоящую ему объективную действительность. Такое противопоставление сознательно субъекта объективному миру соответствует нашим обыденным представлениям и естественнонаучному пониманию, бытующему в психологии с самого начала ее появления. Между тем в гуманитарных науках со времен В. Дильтея шла борьба за альтернативное понимание человека – как культурного субъекта, включенного в человеческие межличностные отношения. Специфика человеческой реальности по сравнению с природной состоит в том, что субъект противопоставляется не объекту, а рассматривается в системе субъект-субъектных отношений.

Такое противостояние выразилось и в различиях в языках, применяемых в психологии для описания субъектной реальности. В одном случае они тяго-

тели к языку естественных наук, в другом – к языку феноменологических описаний. Однако в обоих случаях происходит объективация субъектной реальности, ее «опредмечивание», или в терминах физических, физиологических, кибернетических, лингвистических и причинно-следственных отношений, или в терминах внутренне переживаемого опыта субъекта, представлений о нем и его жизненных целях. При этом реальность человеческих отношений, реальность «чистого субъекта», очевидно не совпадающая ни с физиологическими или информационными процессами, ни с образом гомункулюса, упускается [15; 18]. Психология, не желая того, овеществляет человека, упуская его духовную суть. «А с вещами всякое поведение допустимо! Беда только в том, что пока реально не откроет человек равноценного себе человека вне себя, сам он не будет человеком, и пребывает, несмотря на возможный лоск, культурность и науку, все еще антропидом!» [25, с. 319]. Психология многие десятилетия опредмечивала человека. Возможно, пришло время его «распредметить» [10; 11; 16; 23].

Основой субъектности полагается осмысленная или сознательная активность [12; 18; 21; 30; 31]. В соответствии с этим анализ проблемы субъектности обязывает нас рассмотреть взаимоотношения субъекта и сознания. Если в контексте по-

строения субъектом деятельности эти взаимоотношения достаточно хорошо описаны применительно к различным отраслям психологии (общей, детской, медицинской, специальной и др.), то применительно к субъекту отношений данная проблема, насколько нам известно, не исследовалась. В чем состоит роль самого субъекта в построении отношений с другим субъектом? К каким культурным формам он при этом обращается? Какие процессы участвуют в осмыслении субъектной или, точнее, интерсубъектной реальности? Какова роль сознания в становлении субъекта отношений?

Соотношение и взаимосвязь реальности субъекта и реальности сознания становятся еще более напряженными, если принять в расчет саму относительность категории субъекта. Традиционная схема понимания субъектности, используемая в психологии, — это схема противопоставления активного субъекта объекту, на который он воздействует или который стремится познать [4; 15; 18]. Субъект — это «кто», а объект — «что». Однако является ли такое понимание субъекта единственно возможным? Если рассмотреть данную категорию в более широком научном контексте, то оказывается — нет. Категория субъекта используется не только в психологии, но и в других науках — философии, социологии, истории, языкознании и др. Г. Г. Шпет пишет: «Первоначальное, средневековое, значение термина „субъект“ указывает именно на „подлежащее“, т. е. на то, о чем идет речь. Такое значение термина, разумеется, не соотносительно, а абсолютно. Это же значение сохраняется за термином и в новой философии, где за „субъектом“ остается значение „того, о чем идет речь“, „предмета“. Наряду с этим широким „логическим“ значением термина выделяется, однако, более узкое „онтологическое“ значение „вещи“, являющейся носителем или источником известных способностей и возможностей, как деятельных, так и страдательных (камень есть субъект теплоты, человек — субъект знания и т. п.)» [29, с. 170]. Значит, психологическое понимание субъекта в отношении общенаучного является более узким, и не только в том смысле, что здесь субъект берется в его психологических проявлениях и свойствах, но и в том, что сам источник активности помещается как бы внутрь него самого. Однако в действительности этот источник может находиться в Другом или вовсе не быть локализован в чем-то, имеющем физические границы (данную мысль развивает В. К. Шабельников [28]).

Кроме того, сами представления о субъекте и объекте, о «что» и «кто» во многом обусловлены установками нашего сознания и не являются чем-то изначально данным. Определение объекта/субъекта как «что» или «кто» зависит от отношения к нему как типичному, заменимому, неживому,

пассивному или неповторимому, незаменимому и одушевленному, активному. Даже к вещи может появиться отношение как к уникальной и одушевленной (ср. с феноменом анимизма в примитивных обществах и у детей, проявляющегося в наделении неживых объектов атрибутами субъекта). С другой стороны, к человеку можно (и, к сожалению, часто так и бывает) относиться как к неживому объекту, как к «что», превращая его в объект манипуляций, предмет собственности (вспомним латинское *res*, обозначавшее и вещь и раба одновременно), средство достижения собственных целей и пр. А. А. Брудный пишет: «В римском праве отчетливо дифференцировались *res fungibilis* и *res infungibilis* — вещи: 1) заменимые одна на другую в силу их подобия и 2) незаменимые в силу их различия. В этой норме юридически фиксировано различие, возникающее в отношениях особой как проявление и следствие полового отбора: происходит предпочтение одной особи другой, фиксируется их неподобие, *что превращается в кто* (курсив мой. — А. П.)» [3, с. 30]. Разделение на «что» и «кто» содержит в своей основе не только объективные (т. е. не зависящие от субъекта) основания, но и является фактом сознания (как индивидуального, так и общественного). В данном контексте обнаруживается еще один интересный и немаловажный факт, свидетельствующий о «подвижности» источника активности. Сознательный субъект может обнаруживать не только противостоящий ему объект или предмет, но и другого субъекта. Г. Г. Шпет пишет, что в сознании не обязательно присутствует противопоставление «Я — объект», но может быть и «Он (они, ты и пр.) — объект» [29]. Аналогично как в бытийном слое сознания происходит объективация предметного мира [12], при обнаружении в Другом субъекта происходит объективация субъектности для нашего сознания.

Развивая представленную идею о различении *субъекта деятельности и субъекта отношений*, необходимо определить, в каких формах и посредством каких культурных форм психологически представлена реальность субъект-субъектных отношений, в чем, собственно, состоит активность самого субъекта отношений, если она не сводима к предметной деятельности, и, наконец, что меняет сознание субъектной реальности в психической деятельности человека.

В деятельностном подходе (А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и их последователей) реальность субъект-субъектных отношений по преимуществу выводилась из реальности предметной деятельности субъектов или, точнее, — совместной предметной деятельности [1]. Такой взгляд нам представляется редуцирующим онтологию субъекта, исключаящим его не-деятельную или не-

предметную активность, направленную на другого субъекта. В результате даже субъект-субъектные отношения и активность, связанная с их построением или осуществлением, — общение — оказываются выведенными из предметной деятельности.

Несмотря на значимость совместной деятельности в развитии субъект-субъектных отношений, такое толкование их природы представляется нам неполным. Мы хотим подчеркнуть приоритетный статус самого субъекта по отношению к совместной деятельности. Когда мы говорим о субъект-субъектных отношениях, совместная деятельность в них приобретает вспомогательный *символический* характер [19, 20]. Для нас в первую очередь важен тот, с кем мы вступаем в отношения (если, конечно, этот некто не воспринимается как средство решения задачи), а уж деятельность (которая во многих случаях, между прочим, не является совместной, т. е. ориентированной на некий общий результат) служит скорее формой выражения отношений субъектов друг с другом<sup>1</sup>. На первое место следует поставить не *отношение к* «объектам, поступкам и явлениям, ради которых развертывается деятельность и общение индивида» [1, с. 327], а *отношения с* другим субъектом, другим Я, ради которого или, по крайней мере, с учетом которого осуществляется деятельность. Кроме того, многие проявления субъект-субъектных отношений носят чисто символический характер и не ориентированы на получение какого-либо совместного продукта (например, проявления симпатии, привязанности, заботы, уважения в дружеских отношениях; ритуальные действия; действия, мероприятия, встречи, ставшие традицией). С другой стороны, совместная деятельность вовсе не обязательно ведет к развитию субъект-субъектных отношений. Другой человек в совместной деятельности может так и сохранить статус средства (более или менее эффективного) для решения тех или иных задач. Здесь мы снова находим подтверждение мысли о том, что представленность другого субъекта нашему сознанию не сводима к содержанию деятельности и не выводима из нее.

В обыденном сознании зачастую бытует представление о том, что отношения складываются сами по себе, понимаются как нечто готовое, уже сделанное. Субъект не видит своей роли в их построении, в понимании Другого, в установлении с ним незримой связи. Субъект превращается в объект отношений. Одним из симптомов такого представления может послужить идея психоло-

гической совместимости (или несовместимости), будто человек — это стул или диван, который может соответствовать столу или шкафу. Можно сравнить эту идею с выражением «не сошлись характерами». Несмотря на такое часто встречающееся (надо признать, не только в обыденном сознании, но и в профессиональном психологическом) объектное видение человека, вероятно, его нельзя отнести исключительно к стереотипизированным представлениям. Мы полагаем, что за этим феноменом лежит специфика функционирования человеческого сознания. Для того чтобы лучше ее понять, следует исследовать особенности работы его духовного слоя и особенности опосредования субъект-субъектных отношений идеальными формами культуры.

### Субъект отношений и структура сознания

Исследования сознания занимают одно из центральных мест в отечественной психологической традиции, в особенности в культурно-исторической психологии и деятельностном подходе. Этой проблемой занимались такие крупнейшие ученые, как Л. С. Выготский, Г. Г. Шпет, М. М. Бахтин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. П. Зинченко, Дж. Верч и др. В качестве ключевых идей, раскрывающих природу сознания человека, можно указать на представления о социальных механизмах развития и функционирования сознания, его интерсубъектность, диалогичность (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, М. М. Бахтин, Г. Г. Шпет), о роли культурных медиаторов (слов, знаков, символов и др.) в построении психической деятельности и поведения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Н. Г. Салмина, Е. Е. Сапогова и др.), об онтологическом статусе сознания, обнаруживающем себя во взаимоотношениях сознания и деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн и др.), о системном и смысловом строении сознания (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. П. Зинченко). Все эти идеи настолько широко известны, что в данной работе нет необходимости останавливаться на них подробно.

Следует обратить внимание на предлагаемое В. П. Зинченко понимание сознания как функционального (а не анатомо-морфологического) органа. Понятие функционального органа было разработано А. А. Ухтомским, который определял его как «всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» [25, с. 98]. К функциональным органам А. А. Ухтомский относил доминанту (в т. ч. «доминанту на лицо другого»), Н. А. Бернштейн — живое движение и предметное действие, А. Н. Леонтьев — образ мира [10; 11].

Представления о структуре сознания разрабатывались в различных направлениях и школах психо-

<sup>1</sup> Здесь можно вспомнить идею Л. С. Выготского о сотрудничестве как изначальной форме высших психических функций, т. е. функций сознания [8].

логии (В. Вундт, З. Фрейд, Д. Шактер и др.) [22]. Однако, рассматривая сознание сквозь призму становления субъекта и проявлений его осмысленной активности, наиболее адекватной и полно разработанной представляется структура сознания, описанная в трудах отечественных психологов — Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко [6; 8; 9; 10; 11; 12]. А. Н. Леонтьев и В. П. Зинченко придерживаются мнения о том, что истинное человеческое бытие — это человеческое действие (деяние, поступок). Особенности построения действия человеком раскрывают его субъектные проявления. Изучение структуры сознания позволяет лучше понять механизмы построения субъектом осмысленного действия. Другое дело — можно ли сводить реальность человеческого действия к субъект-объектному (предметному) воздействию? Очевидно, нельзя. Речь не идет о хаотической эфемерной внутренней активности. Мы хотим подчеркнуть здесь то, что основной целью человеческого действия может являться не предмет, а другой субъект, другое Я, которое по своей сути беспредметно. Такое смещение акцента с предметной действительности на реальность субъекта позволяет иначе понять природу человеческого действия. Последнее обретает как бы два плана существования — внешний, предметный (не обязательно материальный), и внутренний, план субъект-субъектных отношений. Медиатором таких отношений, по нашему предположению, является символ, выражающий отношения одного субъекта с другим [10; 11; 19; 20]. Действие начинает выражать символический смысл, становится не просто актом преобразования предметной действительности, но еще и актом выражения субъект-субъектных отношений. Поэтому и замысел (смысл) действия нельзя ограничить его предметным содержанием — целью, планом осуществления, входящими в его состав операциями и др. Замысел оказывается ипостасью символического смысла. Когда мы совершаем действие или планируем его совершить, мы не только стараемся определить, что нам нужно сделать и какие условия учесть, но и думаем о том, как это действие отразится на наших отношениях с другими людьми.

В действительности мы не всегда соотносим предметный смысл действия и его символический смысл, смысл, который оно приобретает в субъект-субъектных отношениях. У нас часто сохраняется инфантильное желание поступать так, как нам того хочется, без учета других людей. Сохранение такой позиции приводит к обособлению друг от друга сфер субъект-субъектных отношений и предметных действий. Мы продолжаем осуществлять действия не в соответствии с нашими отношениями с другими людьми, а исходя из собственных эгоцентрических побуждений. Целостность

сознания, единство всех его слоев могут быть достигнуты только при условии подчинения предметных действий логике человеческих отношений и обнаружения их символического смысла.

Именно символический смысл действия, его связь с субъект-субъектными отношениями, в большинстве случаев представляет собой смыслообразующий мотив деятельности. На это указывают разнообразные эмпирические исследования, выполненные в русле детской, медицинской, специальной психологии советскими учеными (Л. С. Выготским, Д. Б. Элькониным, А. В. Запорожцем, Н. И. Непомнящей, Б. С. Братусем, С. Г. Якобсон и многими другими). В этих исследованиях смысл и смыслообразующий мотив действия отождествляются со смыслом человеческих отношений. Например, в известном исследовании Л. С. Выготского динамических смысловых систем у младших школьников с нормальным развитием и умственной отсталостью дополнительная мотивация рутинным действиям (например, вырезанию полосок из бумаги) после психического пресыщения придавалась за счет изменения социальной позиции ребенка — он должен был научить другого ребенка выполнять освоенную операцию — т. е. за счет включения выполняемого действия в структуру субъект-субъектных отношений [7]. В похожих по своей логике исследованиях Н. И. Непомнящей дополнительный смысл-мотив монотонным действиям детей-дошкольников придавался за счет «вписывания» совершаемого действия в адекватный контекст субъект-субъектных отношений [17]. Если же действие по своему смыслу не соответствовало логике отношений, то ребенок отказывался его выполнять. Например, дети продолжали выполнять задание, если нужно было вырезать полоски из бумаги, чтобы сделать вертушки для более маленьких детей, и отказывались, если им предлагалось делать то же самое для мамы. Противоположный эффект обнаруживался, если предлагалось делать заготовки для открыток к празднику. Б. С. Братусь при изучении больных алкоголизмом обнаружил у них распад системы смыслообразующих мотивов, что связывается им с утратой значимости социальных отношений, ориентации на других людей [2].

Интересную в плане соотношения предметного и символического смыслов интерпретацию предметной действительности и предмета потребности с позиций теории деятельности А. Н. Леонтьева предлагает Е. В. Улыбина [24]. Она рассматривает предмет как метафору потребности субъекта, символически выражающую его отношения с другими людьми и наполняющую его деятельность конкретным предметным содержанием. При этом отмечается драматизм объективации смысла потреб-

ности (символического смысла) в значениях языка. Автор проводит аналогию между такой интерпретацией предмета потребности в теории А. Н. Леонтьева и работах Ж. Лакана, который, по сути, рассматривает частные опредмеченные желания как символическое выражение глубинной потребности человека в единстве и связи с другими людьми (прообразом которых является единство с телом матери). Для нас здесь важно, что предмет — это общественный предмет, выполняющий кроме всего прочего функцию символа человеческих отношений, а значит обладающий не только предметным, но и символическим смыслом.

Таким образом, структура сознания для адекватного выражения идеи субъектности должна отражать возможность удержания субъектом двух планов — предметного, фиксирующего субъект-объектные отношения, и символического, представляющего субъект-субъектные отношения.

Л. С. Выготский выделил сознание для бытия — бытийный слой — и сознание для сознания — рефлексивный слой [8]. Бытийный слой предполагает как бы удвоение действительности в чувственном опыте. Рефлексивный обращает нас к собственному опыту, структурируя и преобразуя его. Он предполагает использование знаково-символических средств. Например, когда мы называем словом какой-либо предмет, мы структурируем свой чувственный опыт, организуем свое внимание, направляя его на этот предмет, обнаруживаем его смысл и назначение, соотнося воспринимаемое с прошлым опытом, и др. А. Н. Леонтьев выделил три образующих структуры сознания: чувственную ткань образа, значение и смысл [12]. Первая относится к бытийному слою сознания, последние два — к рефлексивному. В. П. Зинченко предложил дополнить бытийный слой сознания биодинамической тканью — органа построения живого движения (понятие, предложенное Н. А. Бернштейном) [6; 9; 10; 11].

В. П. Зинченко также развивает представления о духовном слое сознания, центром которого является человеческое Я или, в нашей терминологии, субъект отношений [10; 11]. При этом он опирается на работы таких мыслителей, как С. Л. Франк, М. Шелер, М. Бубер, М. М. Бахтин, Г. Г. Шпет и др., и полагает, что представления о Я, или, точнее, об отношениях Я — Ты, логично встраиваются в идеи Л. С. Выготского об интер- и интраиндивидуальности, Д. Б. Элькониной о совокупном Я, первоначально объединяющем Я и Ты, А. А. Ухтомского о «доминанте на лицо другого».

Субъективной образующей духовного слоя является Я, не сознающее самое себя, а в качестве объективной образующей — Ты: «Видимо, в духовном слое сознания человеческую субъективность представляет Я в его различных модификациях и ипо-

стасях. Именно это Я, составляющее момент всякого сознания, должно рассматриваться в качестве одной из образующих духовного слоя сознания — его субъективной или субъектной составляющей. Эти положения не противоречат понятию личности в философской антропологии: „Личность — центр духовных актов, по Максиму Шелеру, и, соответственно, центр всего сознания, который сам не может быть, однако, осознан“. Парадокс в том, что «центр духовных актов» не осознает структуру сознания. В качестве объективной образующей в духовном слое может выступать Другой или, точнее, Ты» [10, с. 223]. Таким образом, подчеркивается а-refлексивная природа субъектной реальности и духовного слоя сознания. Такое понимание Я как не сознающего самое себя дало основание М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорскому назвать его псевдосимволом, в противовес реальным символам, представленным в эмпирической реальности [14]. Напротив, внешнее выражение Ты, «лицо другого» доступны нашему наблюдению. Конечно, и свои собственные проявления мы способны наблюдать и фиксировать (например, некоторые особенности выражения чувств, движений или высказывания). Однако эмпирическая сторона нашего Я никогда не дана нам в своей целостности и полноте, сознание его выражения всегда частично, фрагментарно. Кроме того, более весомый аргумент состоит в том, что наше Я, наша субъектность никогда не доступны непосредственному наблюдению и осознанию в настоящем, так как, делая себя объектом сознания, мы разделяемся на субъект и объект и то, что осознается, перестает быть Я.

Реальность уникальных отношений между Я и Ты, согласно М. Буберу, позволяет, с одной стороны, избежать растворения Я в Мы, социуме, в безликой массе индивидов, а с другой — противостоять индивидуализму (широко представленному в гуманистической психологии), сводящему Ты к Я [5]. В советской психологии в значительной мере присутствовало стремление растворить Я в Мы или вывести его из Мы. Однако существовала и сегодня, на наш взгляд, преобладает противоположная тенденция, состоящая в том, что психология стремится свести жизнь человека только к его Я и уничтожить Ты. Механизмы идентификации и проекции, описанные в психоанализе, говорят о стремлении поглотить Ты в Я. В действительности, если мы обратимся к нашему повседневному опыту, то станет очевидным, что Ты объективно. Мы постоянно общаемся с живыми людьми, не с их телами, а с их Я, с имяреками. Наше сознательное Я как раз и рождается только тогда, когда перед ним возникает тайна живого другого Я, Ты. Важно не показать, как другое Я, другой субъект, поглощается нашим Я или как

наше Я распространяется на других, а раскрыть ту духовную связь, незримую нить, *соединяющую*, но не отождествляющую Я и Ты. Только когда мы чувствуем тайну живого Ты, непостижимым образом связанного с нашим Я и жизненно необходимого ему, рождаемся и мы сами. Л. С. Выготский, а вслед за ним Д. Б. Эльконин, объясняя процессы психического развития ребенка и пытаясь соотнести его индивидуальные изменения с реальностью культуры и задачами социализации, которые общество ставит перед ним, вынуждены были обратиться к идее посредника между ребенком и культурой, в качестве которого выступал конкретный взрослый или более развитый ребенок. Согласно Д. Б. Эльконину, ребенок, овладевая теми или иными культурными действиями, стремится установить психологическую связь со взрослым, отождествить себя с ним, с его Я [31]. Я ребенка в этом смысле растворено в Ты. Лишь в процессе длительного развития ребенок начинает отделять себя от Ты.

Проблема отношений человека с миром, поставленная С. Л. Рубинштейном [21], логически может быть разделена на несколько составляющих, которые соотносятся с описанными слоями сознания. Каждый из слоев отображает разные системы отношений: бытийный — отношения между предметами, рефлексивный — отношения человека к предметному миру, между Я (Ты) и предметами, как физическими, так и идеальными, и, наконец, духовный — субъект-субъектные отношения, отношения между Я и Ты.

Каждый слой сознания оперирует своими специфическими средствами: бытийный — чувственными образами и движениями, рефлексивный — знаками (моделями, кодами и др.), духовный — символами. В. П. Зинченко отмечает: «Духовный слой сознания — это его вертикальное измерение. И вершиной его, несомненно, окажется символ» [10, с. 228]. Поскольку Я (Ты) осознается нами как уникальное, то и содержание символа уникально. Мы выстраиваем субъект-субъектные отношения и понимаем другое Я посредством символов. Именно символ выступает той культурной формой, которая позволяет нам установить, зафиксировать и понять внутреннюю связь между Я и Ты. В этом плане человек выступает как существо символизирующее, осуществляющее символическую практику, т. е. определяющее символы и определяемое ими [1, с. 59–60]. Такие проявления человеческих отношений, как принятие, уважение, пренебрежение, любовь, осуждение, почитание, восхищение, гордость, признание, презрение и др., относятся к субъектности индивида и имеют символическое выражение. Именно посредством символических практик мы учимся понимать и различать эти отношения, превращаем их

в предмет осмысленной активности и начинаем нести за них ответственность.

### **Символическая функция как функциональный орган сознания**

Мы указали, что именно символические формы выполняют функцию культурных медиаторов субъект-субъектных отношений. Однако такая общая позиция требует раскрытия механизмов психологического воздействия символа на человека. Какое психологическое влияние символ в действительности оказывает на человека? Каков психологический механизм, обеспечивающий обращение человека к символической реальности, реальности субъект-субъектных отношений, и ее понимание? Каким образом предмет становится символом, выражающим отношения? Почему в одних случаях предмет — это всего лишь предмет, а в других — форма выражения отношения? Раскрытие механизмов влияния символов на сознание и ответы на поставленные вопросы требуют раскрытия понятия символической функции сознания и ее структуры.

*Символическая функция сознания (СФС)* понимается нами как функциональный орган, обеспечивающий разделение и соотнесение внутреннего содержания, смысла, и внешней формы символа, реальности субъектных отношений и предметной действительности, в которой субъект себя выражает.

Говоря о СФС, следует учитывать необходимость разделения в сознании указанных двух типов отношений. Из-за отсутствия такой дифференциации мы часто подменяем реальность отношений предметной реальностью, смещается акцент со смысла человеческих отношений на предметный смысл деятельности, вследствие чего индивид не выстраивает или разрушает связи с другими субъектами и психологически изолирует себя. Например, выражение заботы и любви к ребенку сводится к его кормлению (точнее, закармливанию), решению за него предметных задач. В результате вместо того, чтобы выстроить отношения с ребенком, акцент смещается на выполнение предметных действий<sup>2</sup>.

С другой стороны, по мнению психоаналитиков, символ замещает отсутствующего субъекта и со временем сам может становиться тем, на что направлены желания и ожидания, адресованные замещенному субъекту [13, 26]. Так, на наш взгляд,

<sup>2</sup> Ср.: в исследованиях С. Г. Якобсон было показано, что реальность моральных норм у ребенка зачастую подменяется прагматическим отношением. Например, вместо того, чтобы поровну разделить игрушки между детьми, ребенок старается обосновать, почему ему самому нужно больше игрушек, т. е. реальность и ценность определенных человеческих отношений и правил, регулирующих их, в его сознании не удерживаются [32].

символ вырождается и превращается в самодостаточный предмет, которому мы приписываем свойства отсутствующего субъекта, символ становится идолом. При этом утрачивается истинная функция символа – будучи чувственным образом, обращать наше сознание к духовной сущности субъекта, *всегда* отсутствующего для нашей чувственной ткани сознания.

Л. С. Выготский раскрыл роль знака (значения) в становлении и работе высших психических функций. Однако, на что обращает внимание сам Л. С. Выготский, мы не используем знаки механически (не всегда, например, слово вызывает к жизни соответствующее действие), но включаем их в свою деятельность *осмысленно*. Это, в свою очередь, предполагает способность человека распознавать контексты, в которых знак должен руководить деятельностью и в которых – нет. Если мы слышим на улице кем-то произнесенное и не относящееся к нам восклицание «Стой!», мы не реагируем на него, но если его произносит командир взвода, обращаясь к своим подчиненным, они реагируют иначе. Очевидно, что способность понимания контекста относится к способностям *сознания*. Зачастую непонимание контекста при опознании текста ведет к тому, что диалог между людьми разворачивается в разных смысловых измерениях. В данном отношении проблему понимания контекста можно определить как соотношение внешней (текстовой) формы с реальностью конкретного субъекта – автора этого текста, т. е. как работу СФС.

#### Список цитированных источников

1. *Асмолов, А. Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов. – М., 2002. – 416 с.
2. *Братусь, Б. С.* Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М., 1988. – 304 с.
3. *Брудный, А. А.* Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – М., 2005. – 336 с.
4. *Брушлинский, А. В.* Избранные психологические труды / А. В. Брушлинский. – М., 2006. – 623 с.
5. *Бубер, М.* Два образа веры / М. Бубер. – М., 1995. – 464 с.
6. *Велихов, Е. П.* Сознание: опыт междисциплинарного исследования / Е. П. Велихов, В. П. Зинченко, В. А. Лекторский // *Вопр. философии.* – 1988. – № 11. – С. 3–30.
7. *Выготский, Л. С.* Проблема умственной отсталости / Л. С. Выготский // *Хрестоматия по патопсихологии* / под ред. Б. В. Зейгарник, А. П. Корнилова, В. В. Николаевой. – М., 1981. – 160 с.
8. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М., 1983–1984.
9. *Зинченко, В. П.* Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // *Вопр. психологии.* – 1991. – № 2. – С. 15–36.
10. *Зинченко, В. П.* Сознание как предмет и дело психологии / В. П. Зинченко // *Методология и история психологии.* – 2006. – Т. 1, вып. 1. – С. 207–232.
11. *Зинченко, В. П.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. – М., 1994. – 304 с.
12. *Леонтьев, А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М., 1983. – Т. 2. – 320 с.
13. *Лейнер, Х.* Основы глубинно-психологической символики / Х. Лейнер // *Журн. практ. психолога.* – 1996. – № 3. – С. 102–110.
14. *Мамардашвили, М. К.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М., 1997. – 224 с.
15. *Митькин, А. А.* Субъектность человека: грани и границы / А. А. Митькин // *Психол. журн.* – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 6–21; 2008. – Т. 29, № 4. – С. 27–43.
16. *Нартова-Бочавер, С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. – СПб., 2008. – 400 с.
17. *Непомнящая, Н. И.* Становление личности ребенка 6–7 лет / Н. И. Непомнящая. – М., 1992. – 160 с.
18. *Осницкий, А. К.* Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // *Вопр. психологии.* – 1996. – № 1. – С. 5–19.
19. *Поляков, А. М.* Символ как условие продуктивного действия / А. М. Поляков // *Вопр. психологии.* – 2006. – № 1. – С. 63–73.
20. *Поляков, А. М.* Символическая функция сознания как основа развития субъектности / А. М. Поляков // *Философия и соц. науки.* – 2007. – № 4. – С. 61–69; 2008. – № 1. – С. 76–80.
21. *Рубинштейн, С. Л.* Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М., 1997. – 191 с.
22. *Солсо, Р.* Когнитивная психология / Р. Солсо. – СПб., 2006. – 589 с.
23. *Тхостов, А. Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / А. Ш. Тхостов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.* – 1994. – № 2. – С. 3–13; № 3. – С. 3–12.
24. *Улыбина, Е. В.* Метафора и деятельность: предмет потребности как метафора / Е. В. Улыбина // *Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра* / под ред. А. А. Леонтьева. – М., 2006. – С. 205–213.
25. *Ухтомский, А. А.* Доминанта. Статьи разных лет, 1887–1939 / А. А. Ухтомский. – СПб., 2002. – 448 с.
26. *Фринье, Г.* Символическая функция [Электронный ресурс] / Г. Фринье. – Режим доступа: <http://www.freudlab-can.org/index.php/2005/06/16/2-symbolique>.
27. *Харламенкова, Н. Е.* Проблема опосредствования в истории и теории психологии / Н. Е. Харламенкова // *Психол. журн.* – 2008. – Т. 29, № 2. – С. 41–51.
28. *Шабельников, В. К.* Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии / В. К. Шабельников // *Методология и история психологии.* – 2006. – Т. 1, вып. 1. – С. 23–40.
29. *Шпет, Г. Г.* Сознание и его собственник / Г. Г. Шпет // *Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916: статьи по фило-софии и психологии.* – М., 1916. – С. 156–210.
30. *Эльконин, Б. Д.* Психология развития: учеб. пособие для студентов вузов / Б. Д. Эльконин. – М., 2001. – 144 с.
31. *Эльконин, Д. Б.* Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М., 1989. – 560 с.
32. *Якобсон, С. Г.* Психологические проблемы этического развития детей / С. Г. Якобсон. – М., 1984. – 144 с.